

СИМВОЛИКА ВОДЫ В ПОВЕСТЯХ В. РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ» И «ЖИВИ И ПОМНИ»

Чаба Шарняи

(доктор филологических наук, профессор, Сегед, Венгрия)

У статті розглядається система символічних образів, їх ідейно-художні функції в повістях В.Распутіна «Прощание с Матёрой» і «Живи и помни».

The article discusses the system and functions of symbolic images used by V.Rasputin in his novels "Farewell to Matyora" and "To Live and Remember".

В писательской мифологии В. Распутина символика воды и связанные с ней мифологические представления занимают ключевое место, с точки зрения интерпретации и кода прочтения его произведений. В повестях «Прощание с Матерой» и «Живи и помни» формируется та мифопоэтическая система, которая строится именно на символике воды, точнее, вода является тем центральным феноменом, на котором базируется мифологическая структура данных произведений. Мифологический пласт обеих повестей выстраивается из элементов христианской мифологии в сочетании с элементами народной демонологии, на которую наслаивается немалое количество архаических элементов славянского язычества. Другим словом, распутинский текст осмысливается как «метафизическая модель нравственности в миропонимании, соединяющем христианство и язычество» (И. Плеханова).

Среди других символов вода является довольно амбивалентной, что объясняется ее разными, часто противоречивыми интерпретациями, связанными с особенностями ее восприятия в разные эпохи и разными культурами. В общем, вода представляет собой, с одной стороны, женский принцип (озеро, плодные воды), с другой, – она часто встречается как мужской принцип, ярким примером которого является славянский «Грозовой миф» о поединке бога грозы Перуна с его антагонистом Велесом (небесная вода, дождь, семен). Вода как одна из основных стихий мироздания, соединяющая в себе женское и мужское начала, представляется источником жизни и средством магического очищения. Кроме ее плодотворной функции, она часто фигурирует как разрушительная сила, превращающая порядок в первоначальный хаос.

В русской народной демонологии символика воды связана в первую очередь «с представлениями о ней как опасном «чужом» пространстве, принадлежащем потусторонним силам. В народных поверьях через проточную воду осуществляется связь с иным миром. Водное пространство является границей между «этим» и «тем» светом, путем в загробное царство, местом обитания душ умерших и нечистой силы» (1, 96-97). Во многих индоевропейских языках «понятие 'потусторонний мир' первоначально имело значение 'относящийся к воде' или 'находящийся за водой / рекой'» (2, 77).

В данных двух повестях вода фигурирует в своей особой ипостаси, а именно как проточная вода. У Распутина река Ангара является тем ключевым топосом, который мифопоэтизируется в текстах в полном согласии с представлениями, характерными для народного мировосприятия. Образ Ангары, таким образом, включает в себя все основные мифические функции живой воды.

Вода как источник жизни встречается, в первую очередь, в повести «Прощание с Матёрой». В поэтическом мире этого произведения Ангара принимает облик космической стихии, которая являет собой «начало и конец», она – та могущественная «анимистическая» сила, которая сотворила, кормила, а затем уничтожила свое родное творение — остров и его обитателей. *Вот так худо-бедно и жила деревня, держась своего места на яру у левого берега, встречая и провожая годы, как воду, по которой сносились с другими поселениями и возле которой извечно кормились. И как нет, казалось, конца и края бегущей воде, нет и веку деревне: уходили на погост одни, нарождались другие, заваливались старые постройки, рубились новые. Так и жила деревня, перемогая любые времена и напасти, триста с лишним годов, [...] пока не грянул однажды слух, что дальше деревне не жить, не бывать. [...] Вода по реке и речкам поднимется и разольется, затопит многие земли и, в том числе, в первую очередь, конечно, Матёру. Если даже поставить друг на дружку пять таких островов, все равно затопит с макушкой, и место потом не показать, где там селились люди* (3, 13).

Затопление острова, как правило, вызывает ассоциации с библейским всемирным потопом, однако здесь магическая очистительная функция воды переплетается с ее функцией покровительства, что характерно для русской народной культуры. Гибель острова, таким образом, как ни парадоксально, означает не столько окончательное погружение в хаос или некое очищение от грехов, сколько спасение праведных жителей острова. В данном случае, согласно распутинской концепции,

праведными считаются лишь одни хранящие исконные традиции старые люди, которых к концу повести река естественным образом принимает в себя: *В окне стоял мгlistый и сырой, как под водой, непроглядный свет, в котором что-то вяло и бесформенно шевелилось – будто проплывало мимо. [...]*

– *Где мы есть-то? Живые мы, нет?*

– *Однако что, неживые. [...]*

– *Я куды-то летала, меня тут не было. Ниче ни помню.*

– *Куды летала – там люди есть, нет?*

– *Не видала. Я летала по темени, я на свет не выглядывала. [...]*

Уставились в окно и увидели, как в тусклом размытом мерцании проносятся мимо, точно при сильном вышнем движении, большие и лохматые, похожие на тучи очертания. В разбитую стеклинку наплескивало сыростью (3, 157-158).

Завершающий аккорд повести «Живи и помни» также напоминает заключительный эпизод «Прощания...». Река поглощает героиню мирно и спокойно, без всякого насилия, обеспечивая для нее вечный покров, оправдывая ее младенца, а тем самым снимая и грех отца: *Поперек Ангары проплыла широкая тень: двигалась ночь. В уши набирался плеск — чистый, ласковый и подталкивающий, в нем звенели десятки, сотни, тысячи колокольчиков... И сзывали те колокольчики кого-то на праздник. Казалось Настене, что ее морит сон. Опершись коленями в борт, она наклоняла его все ниже и ниже, пристально, всем зрением, которое было отпущено ей на многие годы вперед, глядяваясь в глубину, и увидела: у самого дна вспыхнула спичка.*

– *Настена, не смей! Насте-е-о-на! – услышала еще она отчаянный крик Максима Вологжина, последнее, что довелось ей услышать, и осторожно перевалилась в воду. Плеснула Ангара, закачался иштик, в слабом ночном свете потянулись на стороны круги. Но рванулась Ангара сильнее и смяла, закрыла их – и не осталось на том месте даже выбоинки, о которую бы спотыкалось течение (3, 317-318).*

Образные ассоциации и цепь однозначных указаний в обеих повестях воссоздают в памяти русскую народную утопию, «Легенду о Граде Китеже», в которой, утонув в святой воде Светлояра, город «праведников» продолжает свою жизнь далеко от грешного мира. Связь настениной смерти с плеском «сотни колокольчиков» и светом «у самого дна вспыхнувшей спички» воспроизводят картины «Легенды», так же, как и общая судьба жителей Матеры. То есть вода Ангары на основе образных ассоциаций в конечном итоге отождествляется со святой водой Светлояра. Согласно этому, в своеобразном хронотопе обеих повестей, в котором мифические пространство и время имеют преимущество над физическими (об этом см.: 4, 223-224), меняются и координаты «верх–вниз»: спуск под воду осмысляется как движение вверх. В буквальном смысле слова «небесный» свет словно мерцает на самом дне (ср. «у самого дна вспыхнула спичка»), а в переносном смысле он становится символом перехода из земного мира в неиспорченный иной мир, который являет собой не столько царство мертвых, сколько связанный с архаичными представлениями потусторонний мир, соотносенный прежде всего с водной стихией (ср.: 2, 77).

В повести «Живи и помни» река Ангара в этом смысле представляет собой границу между деревней (т.е. миром живых) и лесом, воплощающим мир inferнальных существ. Переход через эту границу возможен только для Гуськова-оборотня и для вступившей с ним в контакт жены, т.е. исключительно для посвященных.

Связь между стихией воды и судьбой Гуськова именно в этом отношении становится очевидной: река окончательно и безвозвратно отрывает его от деревенского общества, от людской сферы. Хотя его фигура, как дезертира, имеет отношение к реальным событиям, но, подчиняясь законам демонологии, неизбежно наделяется атрибутами inferнальных существ. Взаимодействие двух противоположных начал — осознание своей греховности и желание восстановить моральный порядок жизни — приводит к моральной аномалии, к распаденю его личности и превращает его в аморальное существо. В этом заключается его оборотничество, которое заставляет Гуськова странствовать между двумя мирами – деревенским обществом и дикой природой, – оставаясь чуждым для обоих.

Фигура Настены еще теснее связана с водной стихией. Что касается ее смерти, то она в общественном плане является очевидным самоубийством, которое считается нечистой, проклятой смертью. Общеизвестно, что самоубийцы, и особенно утопленники, по правилам русской народной демонологии, принадлежат к числу так называемых заложных покойников, т.е. нечистых, особенно вредоносных умерших. В соответствии с народными представлениями, сюда относятся умершие насильственной и преждевременной смертью, в том числе и умершие в молодом возрасте, те, кого при жизни проклинали родители или те, кто вступил в контакт с нечистой силой (5, 186). У Настены обнаруживаются все эти обстоятельства, в частности, ее возраст и проклятие свекрови. Но, самое

главное, она вступила в контакт с нечистой — с мужем-оборотнем. Таким образом, по правилам народной демонологии Настене, грозит стать заложной покойницей, как и предвещает это эпизод на кладбище утопленников: *Настена вдруг оступилась и вскрикнула, ухватившись рукой за покосившийся деревянный крест. Господи, куда попала?! Куда попала?! – к утопленникам. От ужаса ее продрал мороз, ноги обмякли и не слушались. Ползком Настена выбралась из обвалившейся могилы и покатила вниз, к лодке. Господи, пожалей! [...] Прямо в могилу завалилась – что ж это такое?! И, ахая, содрогаясь от страха и омерзения, уже боялась за себя: заляпалась* (3, 313).

Однако, в соответствии с закономерностями логики писательского мифотворчества, ей удалось избежать судьбы проклятых, ибо Настена, по контрасту с Гуськовым, находит единственное решение в духовном, моральном спасении. К тому же, она старается спасти не только саму себя, но и своего мужа, и, прежде всего, своего ребенка. Настена, таким образом, берет на себя миссию христового спасения, которое на уровне многократных ссылок повторяется в тексте. Кроме христовых черт, героиня наделена и другими христианскими атрибутами: в повести неоднократно проводится параллель между ней и Богородицей, подчеркивается чистота и неиспорченность Настены. На основе сказанного, смерть Настены можно представить, с одной стороны, как христову жертву, но, с другой, ее можно интерпретировать как своеобразное «усупение».

Связь героини с языческими и христианскими мифологическими персонажами, а именно с утопленниками и Богородицей, переосмысливают отношение Настены к своему мужу. Гуськов после его возвращения (т.е. метаморфозы) нуждается в постоянной помощи жены, охраняющей его жизнь, кормящей его и обеспечивающей ему поддержку как и в душевном, так и в духовном смысле. Его судьба в дальнейшем формируется исключительно в зависимости от поступков и намерений Настены. В этом отношении в интерпретации фигуры героини выявляется еще один мифологический образ – образ судьбоносного божества. После принятия христианства Богородица унаследовала главные атрибуты славянской судьбоносной богини-пряжи Мокоши, изначально связанной с водной стихией, важнейшим занятием которой является прядение. Нить, как и сам процесс прядения, по мнению исследователей, «имеет непосредственное отношение к представлениям о судьбе и человеческой жизни. Древние судьбоносные божества [...] не случайно были пряжами» (6). С другой стороны, как пишет Голубкова, «занятие прядением и манипуляция с нитками присущи также и характерны и для демонологических персонажей, живущих в воде (чаще всего это утопленницы, то есть, „заложные покойницы”» (6).

Возвращаясь к пониманию реки как границы между двумя мирами, отметим, что в повести «Прощание с Матерой» Ангара выполняет подобную функцию: она разделяет хранящий первоначальные, древние, исконные традиции «живой» остров и опустошающий всякие традиции «мертвый» внешний мир.

На основе всего сказанного можно заключить, что в распутинской концепции река Ангара мифопоэтизируется в полном согласии с мифоритуальной традицией. Ее образ собирает в себе все основные функции реки, связанные с мифологической символикой воды. К основным чертам героев повестей, таким образом, добавляются другие, новые элементы, которые становятся основанием для новых интерпретаций произведения.

1. Виноградова Л.Н. Вода // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – М., 1995.
2. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. – М., 1996.
3. Распутин В.Г. Повести. – Мн., 1983
4. Шарняи Ч. Превращение и крушение. (Повесть «Живи и помни» В.Распутина и ее мифологическая структура // «Dissertationes Slavicae» Sectio historiae litterarum XXIII. – Сегед, 2004.
5. Виноградова Л.Н. Заложные покойники // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. – М., 1995.
6. Голубкова О.В. Женские мифологические образы в верованиях восточных славян Сибири // «Сибирский этнографический вестник» № 1 (2). Новосибирск, 2000. Электронный журнал; www.sati.archaeology.nsc.ru/Home/pub